

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ЛЕОНИ

ДАНЬКА МУЗЫКАНТ.

ИЗДАНИЕ

Г. Ф. МИРИМАНОВА

МОСКВА 1925 г.

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

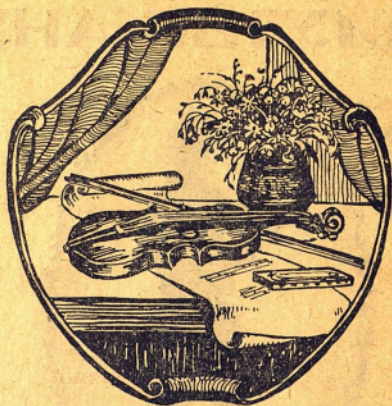
ДАНЬКА МУЗЫКАНТ

РАССКАЗ
ЛЕОНИ

РИСУНКИ
Н. ЧУДИНОВА.

ИЗДАНИЕ
Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА 1925 г.

Издание Г. Ф. Мириманова.
Москва, Плющиха, д. 11, кв. 17.
Телефон 3-33-04.

668696 рег-04

Российская государственная
детская библиотека

Главный № 30563. Москва.—Тираж 10.000 экз.

Обр. типо-лит. «Печатник» Изд-ва ГИЗ. 2-й Бабьегород. п., д. 22. Тел. 17-73

Начальн. библиотеки
дола Р. М. М. М. М.
издательства
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

363861

1. Данька и его товарищи.

Все чудеса, которые так изменили Данькину жизнь, начались самым обыкновенным образом. Все вокруг было также до крайности обыкновенно.

Узкая, грязная улочка, с двумя рядами нищенских, покосившихся домишек, доходила почти до оврага, который был одновременно свалкой для городского мусора, где ребятишки с увлечением рылись, выуживая пуговицы, жестянки от консервов и тому подобные драгоценности.

Сам Данька — самый обыкновенный мальчик.

Смышленные серые глаза, вихор выцветших, побелевших от солнца волос, нос пуговицей.

Глаза и рот у него постоянно широко открыты, чтобы побольше видеть и удивляться широкому миру.

Рубашонка в заплатках, такие же штанишки составляли его костюм, в котором допускалась только одна роскошь: широкий кожаный пояс с блестящей бляхой, как-то в счастливую минуту найденный им на свалке. Костюм иногда дополняли рваные ботинки. Вот и все.

В тот момент, когда Данька стоял перед новой жизнью, он спокойно болтал около крылечка со своими неразлучными друзьями: Мотькой и Сашкой рыжим.

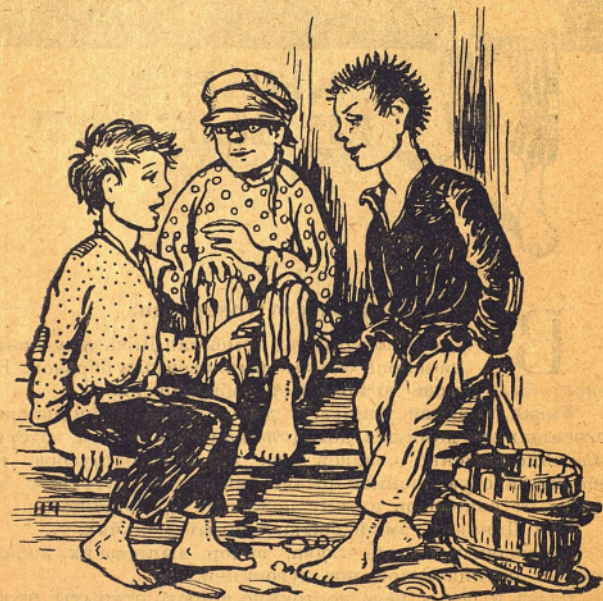
— У нас мать сегодня вареники варила... с вишнями...

Но тут же он был посрамлен своими друзьями. „Фу, у нас уже пять раз варили,“—сказал Сашка Рыжий. „У нас уже—десять,“—откликнулся Мотька.

Данька не стал спорить.

— Пойти у матери вареничка взять, что ли...—лениво сказал он.

— Ага, Данька, возьми...—дружно согласились остальные.

— И мне, и мне...—кричали они ему в догонку.

Данька презрительно повел плечами. Он знал, что вареников он принесет на всех, но надо же было фасон показать. Он показал его так усердно, что споткнулся о камень и упал на землю.

2. Находка.

С того падения он мог бы считать свою жизнь изменившейся, если бы хоть немного знал будущее.

Падал он, может быть, сотни раз за свою короткую жизнь, но тут упал совсем удивительным образом.

Перед его глазами мелькнуло что-то белое, маленькое. Он взял свою находку, и огромная радость захлестнула его. Это была настоящая драгоценность: хорошенький кругленький серебряный гривенник.

— Вот семечек куплю...— подумал он:— пуд... Нет...— мелькнула другая мысль,—лучше конфет.

Он крепко зажал монету в руке и решил скрыть ее от всего света.

— Мама, дай вареничка...—сказал он, останавливаясь в дверях и болтая для храбрости одной ногой. Матери Данька побайвался: она его иногда поколачивала, овлобленная тяжелой работой и нуждой..

Но на этот раз она дала ему целых четыре вареника и только легкого тумака в придачу на дорогу.

3. Торговец.

Данька съел один вареник и пошел на улицу братски разделить с друзьями остальные... Пока он раздавал вареники восхищенным приятелям, в конце улицы показалось уже первое чудо Данькиной жизни.

Чудо это приближалось все обвешанное сделанными из медной проволоки корзинками, жестяными чайниками, кружками и всякою мелочью.

Это был разносчик-торговец жестяными изделиями. Дойдя до ребятишек, он сел отдохнуть на крылечке и, положив свой товар и целую связку губных гармоний, сделанных из дерева и жести, сказал:—Эй, ребятишки, купите гармонику.

— А сколько стоит?..—спросил Данька.

— Гривенник, всего только гривенник,—ответил торговец. Он снял одну гармонику с вязки, осмотрел ее и сказал:—эта будет хороша.

Он приложил ее к губам и заиграл немудрящую уличную плясовую песенку. Ребятам не сиделось на месте: ноги сами притопывали, руки сами дергались—плясали...

«Ой, яблочко, куды катисси»...

Данька сидел и решал один из важнейших вопросов в своей жизни: купить гармонику или не купить?

И гривенник жалко, малые деньги разве! и гармонику купить хочется, так хочется!..

Соблазн был слишком велик.

— Дяденька, я куплю...—сказал Данька:—научишь меня играть „Яблочко“?—Он протянул гривенник.

Сашка Рыжий и Мотька умирали от зависти.

— Вот чорт! Богач! небось у матери украл...—сказал громким шопотом Сашка.

— Брешешь, на дороге нашел...—деловито ответил Данька.

— Научи, дяденька, играть „Яблочко“!...

— Некогда мне с вами, ну да что уж...—ответил торговец:—ну, гляди!—Он приложил гармонику к губам, и снова полилась веселая песенка.

Через десять минут Данька извлек из гармоник нечто подходящее к мотиву, а еще через пять—проводил торговца в путь той же песенкой.

Торговец, собирая разложенный по земле товар, внимательно вслушивался в звуки Данькиной песенки.

Собрав и навесив на себя все, он кивнул мальчику и медленно тронулся в путь. Пройдя несколько шагов, он обернулся.

— Эй, мальченок,—крикнул он. Данька подбежал к нему.

— Береги гармонику...—сказал торговец:—она тебя поведет далеко. Будешь беречь—всем миром завладеешь...

Он на минуту задумался, потом тяжело вздохнул: „У меня тоже была такая, да отняли ее у меня“...

Свободная правая рука его широким жестом легла на склоненную голову мальчика.

Неведомая, тонкая печаль заволокла душу Даньки, всегда такую беззаботную. Он крепко сжал в руке гармонику.

— Ну, иди...—всматриваясь в глаза Даньки, сказал торговец. Данька вернулся к приятелям. Когда он обернулся, чтобы посмотреть вслед ушедшему торговцу, улица была совершенно пуста.

4. Ссора.

— Дай поиграть...—сказал Сашка, протягивая руку к гармонике. Но Данька крепко прижал к груди драгоценную покупку и упрямо замотал головой.

— Вот какой скупой...—обиженно сказал Сашка.

— Не дает, так вовсе не будем с ним водиться,—поддержал Мотька.—Прошлый год мой ножик сломал, так ничего, а теперь гармонику не дает...

Сашка был оскорблен молчанием задумавшегося Даньки.

— А ну, иди отсюда, на моем крыльце сидишь...—грубо сказал Мотька.

Данька послушно встал и пошел через улицу домой. Он шел, опустив голову. Приятели проводили его озлобленными взглядами. Данька ни разу не обернулся.

5. Чудесная гармоника.

Дом он нашел на замке, мать куда-то ушла. Он присел под сарайчиком, где полуденное солнце давало немного тени, и занялся рассматриванием купленного сокровища.

Ничего особенного, разве что один гвоздик вбит немного криво.

Он попробовал сыграть „Яблочко“. Хорошо выходит! Сыграл еще—еще лучше.

Но все-таки что это за странные слова сказал торговец: „Будешь гармонику беречь — всем миром завладеешь“... Разве гармоника все равно что пупка, что ею можно мир завоевать?

— Дурной какой-то торговец... — подумал Данька и вернулся к гармонике.

Он перепробовал все звуки, какие могла она издавать. Два из них ему понравились. „Вот славные!“ Он вслушивался в каждый из них, повторяя его по многу раз. Но те, первые, что ему сразу понравились, он скоро научился отличать. Про таинственные слова торговца и про самого торговца он скоро забыл. Он пробовал звуки один за другим, улыбался своим любимым, хорошо отличая остальные.

Так просидел он на одном месте часа четыре, пока не пришла мать. Заметив, что она подходит к воротам, он торопливо сунул гармонику за камень.

— Что это ты дома?—подозрительно спросила мать.

Данька был большой непоседа и удержать его дома не было никакой возможности. А тут вдруг сидит смиреннько и ребят никого не видно.

Ничего не сказал Данька.

Мать не стала дожидаться ответа, а, отомкнув дверь, вошла в комнату.—Не уходи, обедать будем...—сказала она изнутри.

После обеда Данька вытащил из-за камня гармонику и положил ее в карман. Даже на душе стало легче: тут она близко, значит никуда не пропадет.

Улучив момент, Данька улизнул в овраг и, сев у затененного склона, вытащил снова свое сокровище.

Он научился хорошо различать все тона. Он узнавал их по тому особенному впечатлению, которое они производили на него. Что-то внутри откликалось на каждый звук. На один звук так откликается, на другой иначе, но откликается на все. Это его удивило еще больше, чем все происшествия сегодняшнего дня.

Он даже прижал руку к сердцу и внимательно послушал. Сердце билось быстро и неровно. Но все же ничего не нашел, что бы откликалось.

Попробовал снова приняться за «Яблочко». Легкая плясовая песенка давала ему род приятного головокружения. Хотелось смеяться и плясать вместе. Но трудно было выпустить гармонику из рук.

С этого дня началась для Даньки новая, совсем особенная жизнь.

6. Свалка. Донос.

На целые дни забирался он в овраг с гармоникой. Незаметно летели часы. Только к обеду возвращался домой, усталый, но улыбающийся.

От матери он скрывал свое занятие. Убегал утром, схватив кусок хлеба, прямо в овраг.

Выбрал себе несколько удобных местечек, на заросших серо-зеленой лебедой склонах. Садился то там, то здесь, смотря по тому, где было солнце.

Иногда мусорщики приезжали, сбрасывали мусор в овраг, покрикивали на лошадей и, гремя колесами, уезжали.

Иногда приходили ребята порыться в мусорных кучах, поискать чего-нибудь интересного на родимой мусорной свалке. Ребята поднимали драки и споры из-за найденной пуговицы, возились и играли. Но Данька не подходил к прежним приятелям. Их шум его раздражал, да и боялся он, что снова будут просить у него гармонику. Теперь, когда первый порыв прошел, ему было стыдно, что он не дал гармонику Сашке. Но если бы ктонибудь опять попросил, он вцепился бы в нее еще отчаяннее, еще сильнее замотал бы головой. Ему казалось ужасным видеть гармонику в чужих руках. Еще сломают что-нибудь!

Но ребята не простили ему и как-то, сидя на крыльце у Мотьки, следили за тем, как Данька вышел из ворот и направился к свалке.

— Все на гармонике играет... Фордыбачится...— сказал Сашка.— А как она играет, вот что? Как бы он дал ее

мне тогда, уж я бы хоть одним глазком да посмотрел: что там в середке?

— Побить его, что ли...—задумчиво предложил Мотька.

— Чего бить, постой, мы сделаем, что его мать сама поколотит...—сказал Сашка. И он решил немедленно перейти к действию.

— Тетя, а, тетя...—сказал он, появляясь у Данькиных ворот.

Мать Даньки стирала белье около дома.

— Ну, ты чего еще, постреленок...—сказала она грубо. Она Сашку недолюбливала, боясь, как бы он не научил чему дурному ее мальчика.

— Тетя, а, тетя, а ваш Данька себе гармонику купил...

— Какую еще гармонику? И что ты врешь, нету у него денег, чтобы гармоники покупать... Богач какой нашелся, да и не видела я у него никакой гармошки...

— Ей-богу, тетечка, при мне купил за гривенник...

— Ну уж брешет, так, сам не знает чего, ну откуда у Даньки гривенник?..

— Он говорил, на дороге нашел... Уже давно купил, еще на той неделе, и с нами поругался, гармошку не хотел дать.

— А ты не ходил бы, постреленок, на товарища доказывать...—неожиданно обрушилась она на него.—Доносчик выискался!—Сашка почел за лучшее убраться.

7. Искусство и жизнь.

В этот день Данька, сидя у мусорной свалки, старался уловить на гармонике что-то незнакомое и вместе с тем родное, что-то смутно им слышанное, звучащее вокруг него.

Нервная дрожь охватывала его, когда он чувствовал, что звуки становятся вернее и вернее.

Создавалась легкая, изящная песенка, созданная чутким ребенком.

Наконец он сыграл ее в последний раз. В самых звуках была смелость и радость достижения.

Такой радости он никогда не испытывал.

Дома Даньку ожидала буря. «Как ты смел, мерзавец, покупать игрушки без спроса? Мать бьется день-деньской, как рыба об лед, а он и ухом не ведет. Гривенник за гармошку отдал, малые деньги! Что-ж что на дороге нашел, порядочный бы матери отдал, а ты кинулся игрушки по-

купать. Глаза-б мои на тебя не глядели!» Мать сама разволновала себя причитаниями. Кончилось дело несколькими звонкими оплеухами, которые мальчик стойко выдержал. Данька молчал. Она еще долго тихо плакала. Мальчик, сидя в углу, очень жалел ее, но впервые почувствовал, что мать не поймет его. Хотелось бы, чтобы она поняла, но как объяснить?

8. Данина музыка.

С тех пор, он стал больше оставаться дома, сидя у ворот или во дворе под сарайчиком. Все время он посвящал удивительным звукам, которые заключались в гармонике. Он старался извлекать все новые и новые звуки.

Мать была втайне довольна: «Хоть не балуется мальчишка!»

Данька сидел на камне у ворот, занимался новой, опять неизвестно откуда взявшейся, песенкой. Но дело подвигалось туго. И утомленный, он принялся за старые, легкие песенки, которые он выучил раньше. Здесь были мотивы шарманки, грамофона, Интернационала, революционного марша, который слышал, бегая за процессией, и даже часть «Баркароллы» Чайковского, слышанной у раскрытых окон большого дома. Данька не знал, что это такое и как называется, но ему нравились плещущие, как вода, звуки, и он положил немало труда, чтобы научиться повторять их на гармонике.

Сидя у ворот, он, ни о чем не думая, ничего не замечая, слушал только себя, сам вбивал вызванные им звуки, испытывая иногда острую радость от их сочетания.

Баба с ведрами прошла мимо. Сосед, мелкий торговец, вернулся с базара. Высокий старик прошел около Даньки, посмотрел на него и вернулся обратно.

— А что это ты играешь?

— Да так, гармонику купил вот...— тихо сказал Данька.

— А ну, поиграй еще...— сказал старик.

Данька ни за что не решился бы играть перед чужим человеком, но старик улыбался так ласково, что Данька невольно взял гармонику в руки.

Полились немудрые песенки — революционные, уличные и народные, то веселые, то грустные, но все верно переданные. Кончил он опять отрывком из «Баркароллы»...

— Ты даже это знаешь?— рассмеялся старик. — А откуда?

— В городе слышал....

9. Добрый старик.

— Хочешь пойти ко мне? я тебе покажу настоящую музыку... — Данька вскочил с камня, выражая готовность идти...

— Скорый-же ты парень... — смеялся старик.

Данька, идя за ним, думал: — я бы не пошел, да настоящую музыку обещал показать, может и вправду покажет...

В узком, заросшем деревьями переулке старик вынул ключ из кармана.

— Один живу... — сказал он, открывая калитку, — только Турбай у меня... — Огромный рыжий пес кинулся старику на грудь и сейчас же зарычал, заметив Даньку. У него была наследственная, рядом поколений выработанная ненависть к мальчишкам.

Немалого труда стоило старику успокоить его и помирить с Даней.

Он провел мальчика через садик с несколькими кустами роз. Через небольшой балкон они прошли в комнату. По стульям были навалены кинь нот, стояло пианино, на нем скрипка в футляре.

Все было покрыто густым слоем пыли.

Старик прямо подошел к пианино, сел и заиграл. Изпод пальцев его брызнули мириады звуков, целые снопы, летящие потоком вверх и там рассыпающиеся. Вырвалась маленькая, жалобная песенка. Она вызвала в сердце Даньки чувство страха и печали. Потом мягко накатились теплые, плещущие волны, смыли печаль и страх; подхватили его сердечко, вынесли на берег властно и осторожно. С легким рокотом отошли назад теплые, разбегающиеся волны. Стало тихо.

10. Чудо с песней.

— Теперь ты поиграй... — сказал старик.

Но Данька отчаянно замотал головой.

— После вашей музыки моя покажется такой скверной...

— Ну, почему же скверной? не хочешь — так давай попробуем вместе. Ты на гармонике, а я на пианино буду тебе аккомпанировать. Ты не знаешь, что такое аккомпанировать? Вот увидишь. Сыграй сначала ты, а потом вместе...

Даньке было все также стыдно играть свою песенку. Она казалась ему такой бедной и жалкой. А с другой стороны так хотелось послушать: как это вместе?...

Он сыграл песенку, которую подобрал сам, сидя в овраге у свалки, еще в первые дни после покупки гармоники.

— Ну, теперь начинай сначала...— сказал старик, когда Данька кончил.

668696

Российская государственная
детская библиотека

Данька начал. Одновременно раздались звуки пианино, и мальчик, вслушиваясь, понял, что песенка его выросла и расширилась. Завенели новые звуки, в какой-то чудесный лад со старыми. Гармоника властно и твердо ведет за собой пианино, которое откликается на каждое ее движение. Конец.

Данька стоял у пианино красный, с растрепавшимися волосами и каплями пота на лбу.

— Дяденька,—отчаянно взмолился он,— давайте еще раз. Так хорошо выходит!...

Он очень боялся, что старик откажется. Не придется ему вновь испытать той радости, что только сейчас пережил. Старик, смеясь, согласился.

Снова полилась немудрая песенка, которая с аккомпаниментом могла бы понравиться и более требовательному слушателю. «Вот хорошо получается»...—с упоением думал Данька.

— Постой,—спросил старик,— а откуда сама песенка? Я такой никогда не слышал...

Момент был отчаянный, но сказать все-таки надо:— Это я ее подобрал... в овраге...— еле слышным шопотом закончил Данька.

— Ого, ты еще и композитор!...—воскликнул старик.— Это кто музыку сочиняет—композитор...—объяснил он, заметив вопросительный взгляд мальчика.

— Ты приходи ко мне...—сказал старик на прощанье:—поиграем, поговорим... Ты музыкант и я музыкант—вот и хорошо...—Данька улыбнулся. Таким смешным показалось ему сравнение между ним и стариком.

— Вот играет...—думал он, идя домой:— как бы мне хоть на половину так!...

11. Данька и Сергей Алексеич.

Скоро Данька стал своим человеком в маленьком домике за зеленым забором.

Даже огромный Турбай, если и кидался к нему, так только за тем, чтобы облизать ему лицо своим теплым шершавым языком. Данька не обижался.

— Сердешная собака...—думал он, глядя его густую шерсть.

Даня чувствовал хорошее к себе отношение и, неизбалованный суровой, вечно озабоченной матерью, отогревался здесь.

Мальчик привык переводить всякое чувство в действие сейчас-же. Ему хотелось выявить чемнибудь свою любовь к Сергею Алексеичу. Так звали старика. В один свой приход к старику, когда тот был занят приготовлением несложного обеда, тихонько разыскал тряпку и вееник, тщательно собрал ноты, вытер везде пыль и вымел пол. Старик, войдя в комнату, сейчас-же заметил перемену. Он ничего не сказал Даньке, но глаза его засияли таким светом, что Данька совсем расцвел. Он упорно обдумывал всякие способы доставить удовольствие Сергею Алексеичу.

Дружба между стариком и ребенком все крепла.

Мало-по-малу старик рассказал о себе. В молодости мечтал быть знаменитым музыкантом, но заедала бедность, потом семья. И он сделался учителем музыки. Потом умерли и жена и дети и он остался один в домишке за зеленым забором. Раньше было шумно и весело, теперь — по могильному тихо. Старик имел несколько уроков в городе, жил один.

Только музыка разгоняла тоску. Музыка заставляла забывать боль, обиды и одиночную старость...

Мальчик с гармоникой, случайно встреченный, проходя, оживлял несколько дом. Он катался по полу с Турбаем, как десятилетний ребенок, и владел своей гармоникой—как прирожденный артист.

Музыкальные сведения, которые сообщал ему Сергей Алексеич, он схватывал—на лету. Некоторая задержка получилась с изучением нотной записи, но мальчик приложил столько старания и терпения, что он добился этого.

Сергей Алексеич стал учить Даньку музыке. Мальчик уходил с каждого урока с сильно бьющимся сердцем, с душой, полной звуков.

Мать узнала об этих посещениях и уроках, но, против ожидания Даньки, отнеслась равнодушно.

— Конечно, музыка хлебом не накормит, но хоть не балуется мальчишка...

Изменил Данька своей гармонике. Лакированную, полновзвучную скрипку дал ему Сергей Алексеич. Гармоника лежала на дне сундучка. Данька всегда чувствовал свою вину перед нею. Иногда вынимал, осматривал и со вздохом клал обратно.

12. Годы труда.

Бежит, незаметно бежит время. Вот уже год, как учится Данька у Сергея Алексеича, вот уже два и уже третий подходит к концу.

Мальчик рос и развивался быстро. Днем музыка и трудовая советская школа (по настоянию Сергея Алексеича), вечером опять занятия, ночью—книги.

У старика была большая библиотека лучших мировых писателей, библиотека, собранная в годы одиночества. Прекрасный подбор книг дал мальчику возможность познакомиться с лучшими произведениями человеческого ума. А музыка знакомила с другой стороной творчества.

Так в неустанном труде прошло еще несколько лет.

В маленьком городке, в маленьком Данькином мирке почти ничего не изменилось. Только мать его все чаще и чаще жаловалась на нужду и тяжелую работу. Данька видел, как она похудела и осунулась за последнее время.

Ему было жаль ее, жаль, что она тратит последние силы на то, чтобы прокормить его и себя. Данька все искал выхода из этого тяжелого положения. Он так много думал об этом, что даже к занятиям стал относиться невнимательно, в первый раз за все годы обучения.

— Что с тобой?...—спросил рассерженный Сергей Алексеич. Данька так привык к старику за эти несколько лет и полюбил его, что откровенно рассказал ему о своем горе.

— И больше всего мне, Сергей Алексеич, то стыдно, что уже большой я, тринадцатый год к концу идет, а делать я ничего не делаю...

Сергей Алексеич улыбнулся. За эти годы—ничего не делающий—Данька сделал работу, которую мог бы не каждый и взрослый сделать.

— Делать-то ты делаешь,—сказал он,—а вот зарабатывать тебе надо, это правда. Постой, я поговорю кое с кем, может тебя и устроим!...—Через несколько дней Данька поступил курьером в одно из советских учреждений. Приходя туда после школы, он брал и разносил пакеты по городу. Это отнимало часа два-три. Платили, конечно, немного. Но все же верный кусок хлеба был.

Данька повеселел и успокоился. Он с новым рвением взялся за книги и скрипку. Дела пошли хорошо. Повеселела и мать, успокоенная помощью Даньки. Нужда стала менее острой.

— Уж такой мальчишка, такой мальчишка...—говорила она соседке:—иной раз слова из него не вытянешь, уткнется в книгу—не оторвешь, скажешь чего—говорит:—Не мешай!—На скрипке когда играет, так и не подходи. А вот видишь же, на службу поступил, жалеет мать!...

Сергей Алексеич тоже не мог нарадоваться на подорванного недалеко от мусорной свалки мальчика.

Старик хвалил его на свой особый лад... — Талант у тебя есть; за это хвалить не приходится, это уж от природы так, а вот работу твою я очень ценю...—говорил он ему иногда.

13. Первое выступление.

— Хочешь играть со мной на концерте?—спросил Даньку Сергей Алексеич.

— Как на концерте?—с недоумением спросил Данька. Он бывал на концертах с Сергеем Алексеичем, но ведь там играли такие взрослые, серьезные люди, а то он...

— Ну, это и концерт будет детский...—успокоил его Сергей Алексеич.

— Какой детский?...—Данька приходил все в большее и большее недоумение.

— Ну, постой, я объясню тебе все толком...—сказал Сергей Алексеич.—Меня пригласили участвовать в концерте в детском доме. Я хочу, чтобы и ты играл детям, это будет интересно, что мальчик такой же почти, как они, играет на скрипке.

Данька задумался. — Страшно! ну, как это выйти на люди?.. Сколько глаз на тебя смотрит, а ты совсем один! А все-таки интересно!

Он поведал свои мысли учителю.

— Ну что-ж! боишься, так не надо!...—поддразнил его Сергей Алексеич.

— Как боишься? кто боится? Я не боюсь, я буду играть. Только что я буду играть, Сергей Алексеич?

Сергей Алексеич выбрал несколько народных песен, а потом нетрудный революционный марш.

— Марш будешь играть сначала, а потом одну из песен. Ну-ка, сыграй!

Началась репетиция. Сергей Алексеич был доволен результатами. Мальчик играл хорошо.

Придя домой, Даня взялся снова за скрипку. — Надо повторить...—думал он,—ну, что как собоюсь, стыдно то как!...

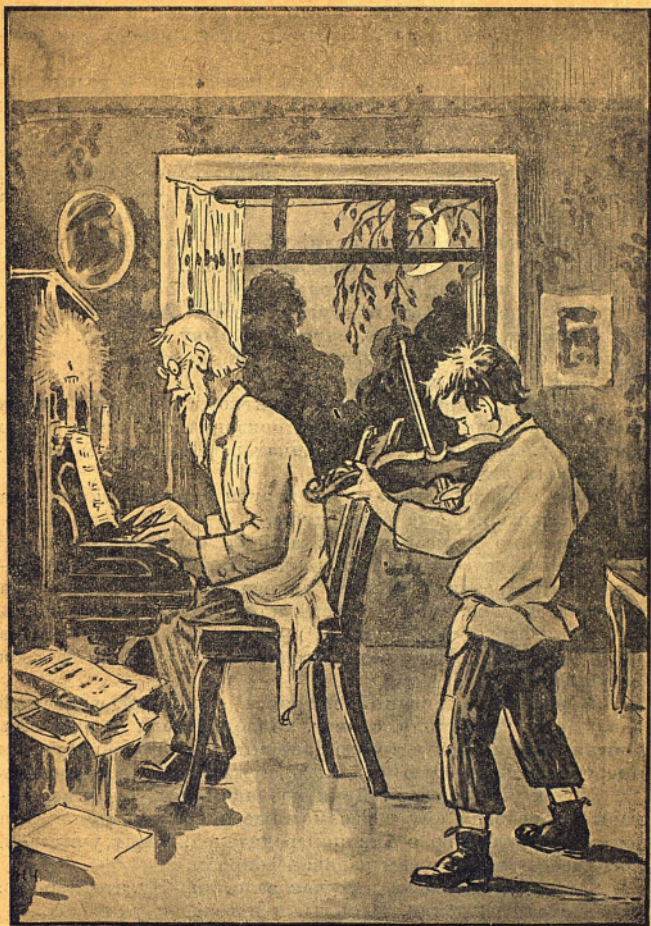
Он давно выучил наизусть всю пьесу, но никак не мог оторваться от скрипки. Он играл, пока мать не погнала его спать.

Наступил день концерта. Даня с утра ходил сам не свой. Каждую минуту вспоминал он: «Сегодня!» Страх и интерес перемешивались в его сердце. А тут еще Сергей Алексеич запретил играть сегодня!

— Провалюсь непременно!...—с отчаянием думал Даня.

По парадной, беломраморной лестнице поднимались они с Сергеем Алексеевичем.

Группы детей сытых, веселых, одинаково одетых попадались им на встречу.

— Сергей Алексеич! а кто их кормит и одевает, и дом такой хороший дал? И откуда их набралось так много?—спрашивал Даня.

— Видишь ли, после войны, революции и голода осталось много сирот, вот их и собрали здесь, а кормит и одевает их Советская власть...

— А ведь это хорошо, Сергей Алексеич, — с убеждением сказал Даня, — тут вот я видал совсем маленькие, погибли бы как котята, и то вот живут, учатся, еще из них и люди будут!...

— Еще какие, брат, люди! Я вот учу музыке в другом доме, так еще какие способные есть...

Звонок прервал их разговор.

Скоро должен был выступать Сергей Алексеич.

Даня стал в кулисах, слушая музыку и пение. Мало-помалу отчаяние закралось в его сердце снова.

— Ну, разве я так смогу?

Наконец, Сергей Алексеич мягко вытолкнул его на сцену. Он вспомнил, что надо поклониться. Из-за рояля ласково улыбался ему аккомпаниатор. Дальше — море человеческих лиц...

Как только Данька взял в руки скрипку, последняя капля страха исчезла в его душе.

Спокойно и уверенно установил скрипку и кивнул аккомпаниатору, чтоб тот начинал. Бодро зазвучали первые такты революционного марша, во время вступила скрипка Даньки, смело и уверенно повела за собой рояль.

Даня забыл про концерт, публику, про то, что все на него смотрят. Он помнил только одно: рояль и свои вступления.

Конец. Буря оваций потрясла огромный, колонный зал. Дети повскачили с мест, аплодировали и кричали. Они знали немножко историю Даньки и теперь приветствовали энергию, победившую бедность, нужду и беспомощность.

Успех был полный. Даня познакомился с детьми, которые оказывали ему всевозможные знаки внимания. Они расспрашивали про его жизнь, родителей, школу, учителей. Он, рассказывая, и сам задавал вопросы.

Даня радовался за них, как за себя:—Ну, это хорошо, что вас так устроили. И сыты, и в тепле, и учитесь!...

— Это о нас Советская власть заботится... — с гордостью заявил малыш лет пяти.

Поздно разошлись новые приятели, рассказывая друг другу, как хорошо провели они вечер.

— Ну, что-же, учил я тебя, учил...—сказал Дане вскоре после концерта Сергей Алексеич:—надо дело до конца довести, надо' помочь тебе доучиться... Есть у меня кое-какие связи в Москве... Чтонибудь и выйдет.—И он принялся усердно хлопотать, писал и получал много писем, даже съездил в Москву на неделю.

Даня с величайшим нетерпением ждал его. Вернулся усталый, но довольный:—Ну, теперь я уже отъездил. Тяжело старые кости тащить. Теперь ты поезжай...

Через месяц Данька уехал в высшую музыкальную школу.

14. Слава.

Кипит толпа у подъезда нового, только что выстроенного театра. Длинной цепью тянутся экипажи к подъезду, ярко освещенному. Это счастливицы, получившие уже билеты.

Вот осветили зал еще более ярко. Оркестр настраивает инструменты, в комнате за сценой знаменитый скрипач говорит со своими, зная, что скорая разлука снова отнимет его у них. Близких людей—двое. Высокий старик с длинной бородой и простая женщина—в темном шерстяном платье. Звонок прервал оживленную беседу скрипача с группой родных ему людей.

— Начинается, надо идти...—сказал Даня. Это был он.

Спокойно, как в другую комнату, вышел он на эстраду. Буря потрясла театр от первых рядов кресел до последних мест галлерей. Даня взял в руки скрипку.

Взмахнул смычком, и потянулись за легкой палочкой все души, потому что великое наслаждение и великая сила таились в легких движениях смычка.

Вот тысячи людей во власти Дани. Может он заставить плакать и смеяться по своему желанию, может заставить вспомнить то, чего никогда не было, может заставить забыть себя.

Легким движением руки водил Даня своих слушателей по своим дорогам, ему одному понятным и знакомым.

Успех знаменитого скрипача рос с каждым его выступлением.

В конце первого отделения Даня вышел на эстраду. Аккомпаниатор вышел за ним следом, сел за рояль и развернул ноты.

Раздались первые звуки аккомпанимента. В руках музыканта оказался какой-то блестящий предмет. Что это было? Обыкновенная губная гармоника, такая же, как те, что за гривенник можно купить и теперь везде.

Полилась песенка, несложная, как чириканье птички, и милая, как оно. Оттененная и углубленная аккомпаниментом, который придал ей полноту и значительность, она казалась прекрасной в своей простоте. Вот кончилось. Буря поднялась в зале еще более шумная, чем прежде.

15. Предсказание исполнилось.

В антракте—во время отдыха в комнате за сценой сидит Даня и слушает, что говорит Сергей Алексеевич с гостями.

— Да, музыка целый мир, еще не изведанный огромный мир...—сказал один из них.

— Целый мир...—откликнулось в голове Дани.

И вдруг ему вспомнилась узкая, грязная улочка, трое босоногих ребятишек и черноглазый торговец с проволочными изделиями, продавший ему удивительную гармонику, которая так изменила его жизнь.

Вспомнились слова торговца: «будешь гармонику беречь—всем миром завладеешь»...

НЧ.

Разве это не правда? Разве не завоевал он мир при помощи маленькой жестяной гармоникки, стоящей гривенник?...

— Что это вы играли в конце отделения?...—спросил Даню один из гостей.

— Это песенка, которую я сочинил, когда мне было десять лет, сочинил, сидя в овраге у мусорной свалки. Правда, с тех пор я не раз поправлял ее...

— Песенка прелестна...—отозвался кто-то.

— А гармоника каким образом оказалась у вас на концерте?..

— С ней я не расстаюсь никогда. Благодаря этой гармонике, дешевой детской игрушке, я завоевал мое теперешнее положение. Если-б не она, я до сих пор жил бы у мусорной свалки и никогда бы не узнал того, что знаю теперь. Я ношу ее в кармане при каждом выступлении перед публикой...

16. Пьеса „Революция“.

Нет предела овациям и вызовам. Публика решила остаться и вымолить, как милость, еще немного радости для себя.

Вызовы не прекращались.

Даня отозвал в сторону распорядителя концерта и стал что-то говорить ему. Распорядитель, внимательно слушающая, несколько раз склонил перед Даней курчавую сидящую голову.

— Будет исполнено...—почтительно сказал он, поклонившись в последний раз.

Через несколько минут публике было объявлено, что знаменитый музыкант исполнит в первый раз новое свое произведение, еще нигде не исполнявшуюся ораторию «Революция».

Впервые, за несколько последних лет, Даня, так привыкший к публичным выступлениям и успехам, почувствовал некоторое волнение.

Эту пьесу он играл в первый раз перед публикой. И еще его то волновало, что это был его родной город, где неуспех был бы особенно чувствителен.

Революция, происшедшая десять лет тому назад, которую все помнили и пережили, революция, в корне изме-

---

нившая положение миллионов и миллионов людей, была слишком большой темой, чтобы подходить к ней с легким сердцем.

Даня несколько лет работал над своим произведением, работал упорно и настойчиво, взвешивая каждый звук, каждую черточку пера.

И вот теперь суд.

Оценят ли, поймут ли?

Даня вышел на эстраду, взял скрипку, взглянул привычно на дирижера оркестра. Все как всегда. Только незаметно для публики нервно дрожал уголок рта, да по временам вздрагивали руки.

Дирижер палочкой подал знак.

Оркестр начал вступление. Даня, овладев собой, уверенно взмахнул смычком и привычным жестом поднес его к скрипке.

Вот вплелась его мелодия в звуки других инструментов, огненными лентами закружились звуки, но вырывается из общего хора Данина скрипка, впереди идет, повторяет оркестр ее путь, но владычествует она над всем.

Тоска по далеким просторам слышится в звуках ее.

Скрипка пела о печали, голоде, угнетении, рассказывала о приниженности, забитости огромной части человечества. Безысходное горе слышалось в звуках.

Но вот вплетается что-то новое, бодрое. Это призыв к единению, к сопротивлению. Скоро глохнут бодрые звуки, заглушает их стон рабочих масс, звон цепей и проклятье каторжного труда.

Но вот снова загорается бодрость в человеческих душах, снова повторяются призывы к единению, к борьбе, смелости и победе.

Раздается голос вождя, он гремит, как гром, и звенит, как сталь, и все, все покоряется власти, которая в его голосе.

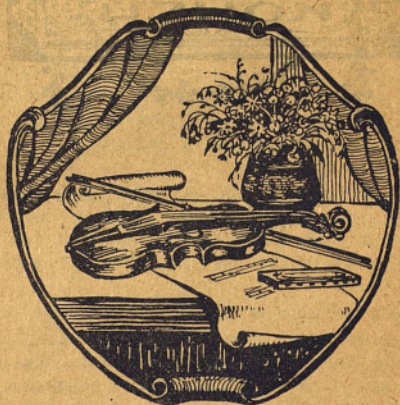
Скрипка пела об единении, о братстве, спаянном кровью погибших, о борьбе, самоотверженной и мучительной.

Вдруг вихрем врываются звуки радости и ликования одержанной победы. Нет больше стонов миллионов рабов, нет звона проклятых цепей. Скрипка пела о свободном и радостном труде, о братстве людей, о счастье, о новом

прекрасном будущем... Скрипка пела и все как один человек встали, с затаенным дыханием слушали этот гимн ликования. И высоко, высоко над толпой стоял выбившийся из нищеты и мусорной свалки с бледным, но сияющим лицом молодой скрипач.

Издание Г. Ф. Мириманова.
Москва, Плющиха, д. 11, кв. 17.
Телефон 3-33-04.

120-

40
-75
w122

115

